

Поэтика вещи в калмыцких сказках о животных

Римма Михайловна Ханинова¹, Анна Степановна Чумбаева²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova[at]bk.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0001-9272-3289. E-mail: chumbayevaa[at]bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ханинова Р. М., Чумбаева А. С., 2024

Аннотация. В статье рассмотрена поэтика вещи в калмыцких сказках о животных. *Материалом* исследования послужили как опубликованные, так и неизданные тексты калмыцких сказок о животных в оригинале и переводе на русский язык, а также легенды и предания. Несмотря на то, что при изучении калмыцких сказок о животных, связанных с жанром, сюжетом, композицией, системой персонажей, языковыми средствами, исследователи касались в той или иной степени материальной культуры, объектом и предметом отдельного исследования предметный мир таких сказок не становился. *Результаты.* В репрезентативных калмыцких сказках о животных обнаружены предметные реалии, относящиеся к разным сферам материальной культуры: типы жилища и его убранство, нежилые постройки, орудия труда и материалы, домашняя утварь, оружие и орудия охоты, музыкальные инструменты, транспортные средства и др. Одними из них пользуются люди и животные, другими — только люди. Часть предметных реалий создается животными. В сюжетных коллизиях сказок вещи используются в тех или иных целях людьми и животными или только людьми, при этом одна и та же вещь может иметь разные функции, например нападения и защиты. В един-

ственном случае вещь наделяется волшебной способностью дарителя. Некоторые вещи являют только предметный фон, на котором происходят те или иные события. Предметные реалии имеют как универсальный характер, так и локальный, этнический.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, калмыцкие сказки о животных, предметный мир, вещь, поэтика, функция

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер государственной регистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ханинова Р. М., Чумбаева А. С. Поэтика вещи в калмыцких сказках о животных // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 1. С. 31–52. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-31-52

Poetics of Things in Kalmyk Tales about Animals

Rimma M. Khaninova¹, Anna S. Chumbaeva²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova[at]bk.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0001-9272-3289. E-mail: chumbayeva[at]bk.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Khaninova R. M., Chumbaeva A. S., 2024

Abstract. The article examines the poetics of things in Kalmyk fairy tales about animals. The research *material* included both published and unpublished texts of Kalmyk fairy tales about animals in the original and translated into Russian, as well as legends and traditions. Despite

the fact that when studying Kalmyk fairy tales about animals related to the genre, plot, composition, system of characters, and linguistic means, researchers touched upon such material culture to one degree or another, the objective world of such fairy tales did not become the object and subject of a separate study. *Results.* In representative Kalmyk tales about animals, object realities related to different spheres of material culture were found: types of housing and its decoration, non-residential buildings, tools and materials, household utensils, weapons and hunting tools, musical instruments, vehicles, etc. One of them is used by people and animals, others - only by people. Some objective realities are created by animals. In the plot collisions of fairy tales, things are used for one purpose or another by people and animals or only by people, while the same thing can have different functions, for example, attack and defense. In the only case, the thing is endowed with the magical ability of the donor. Some things reveal only the objective background against which certain events occur. Subject realities have both a universal and local, ethnic character.

Keywords: Kalmyk folklore, Kalmyk tales about animals, objective world, thing, poetics, function

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name “Universals and specificity of traditions of Mongolian-speaking peoples through the prism of cross-cultural contacts and the system of relations between Russia, Mongolia and China” (state registration number: 123021300198-4).

For citation: Khaninova R. M., Chumbaeva A. S. Poetics of things in Kalmyk tales about animals. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2024; 1: 31–52. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-1-29-31-52

1. Введение

В калмыцком сказочном фольклоре сказки о животных по сравнению с другими жанрами до сих пор малоизучены. Труды современных калмыцких фольклористов в этом направлении представлены прежде всего работами М. Э. Джимгирова [Джимгиров 1963; Джимгиров 1970], В. Т. Сарангова [Сарангов 1998; Сарангов 2010], Т. Г. Басанговой (Борджановой) [Басангова 2017а; Басангова 2017б; Басангова 2018; Басангова 2019], Б. Б. Манджиевой [Басангова, Манджиева 2011; Манджиева 2011] и др., а также отдель-

ными статьями, в которых рассмотрены вопросы классификации, тематического состава, системы персонажей, соотношения жанра такой сказки с другими сказочными жанрами, мифами, легендами, преданиями и т. д. [Ванькаева 2021; Джимбиева 2011; Джимбиева 2012; Куканова, Чумбаева 2023; Чумбаева, Бакаева 2023]. Несмотря на то, что при анализе калмыцких сказок о животных попутно указывались те или иные вещи, участвующие в сюжете, они не становились объектом и предметом отдельного исследования. Это и обусловило цель данной статьи — изучить вещи в калмыцких сказках о животных, определить их место и значение в сюжете, конфликте, композиции, в системе персонажей, выявить их функцию.

2. Материалы и методы исследования

Материалом для анализа стали калмыцкие сказки о животных из сборников разных лет, тексты с присутствием вещей [Хальмг фольклор 1941; Хальмг туульс 1961; Хальмг туульс 1968; Хальмг туульс 1972; Хальмг туульс 1974; Буутан Санжин туульс 2008; Герлтсен сувсн 2014; Калмыцкие сказки 2018]. Кроме того, изучены тексты из неопубликованного тома Свода калмыцкого фольклора «Калмыцкие сказки о животных, бытовые, кумулятивные сказки и небывлицы» [Калмыцкие сказки 2020], сборники калмыцких сказок с русским переводом [Народное творчество Калмыкии 1940; Медноволосяя девушка 1964; Сандаловый ларец 2002], а также мифы, легенды и предания калмыков [Семь звезд 2004; Мифы, легенды и предания 2017].

Методы исследования — описательный метод, сравнительно-сопоставительный, статистический.

3. Поэтика вещи в калмыцких сказках о животных: жанр, сюжет, композиция, конфликт, предметные реалии

Принимая рабочее определение, «мы понимаем под вещью объект физического мира, имеющий четкие границы элемент действительности, не обладающий собственным внутренним миром (волей, сознанием, самосознанием и т. д.), созданный или измененный человеком и имеющий четкую отдельную функцию, а также сопоставимый с человеком» [Нестерова 2017: 52].

Согласно В. Я. Проппу, «под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» [Пропп 2001: 22]. Среди основных функций вещей определяют характерологическую, культурологическую, символическую, социальную, сюжетно-композиционную и др., в том числе в соотношении с концепцией природы и мира.

С точки зрения В. Е. Добровольской, в волшебной сказке необходимо подразделять предметные реалии и вещи. Исследователь разделяет предметные реалии по восьми функциям: средства личной трансформации, средства «репродуктивной» трансформации, индикаторы, транспортные, боевые и другие технические средства, средства трансформации пространства, снабжающие предметные реалии, места действия и предметы поиска [Добровольская 1995: 7]. Предметные реалии представляют собой «лишь те элементы предметного мира, которые влияют на развитие сказочного сюжета, формируя композицию или характеристику персонажа, т. е. функциональные элементы (при этом данный элемент может обладать нулевой функцией)» [Добровольская 2009: 22]. «Все остальные объекты, создающие фон, на котором развивается действие, но не играющие в последнем никакой специальной роли и включаемые в сказку совершенно произвольно», исследователь называет «вещами» [Добровольская 2009: 22].

В рассмотренных калмыцких сказках о животных среди элементов материальной культуры встречаются следующие:

- типы жилища и его убранство: кибитка, полотно кибитки (кошма), опоясывающая веревка, дымник, дверь, порог, сундук; шалаш;
- нежилые постройки: загон для скота, сарай, колодец, мост;
- орудия труда и материалы: топор, лопата, веревка;
- оружие, снаряжение и орудия охоты: меч, плеть, капкан, недоуздок;
- домашняя утварь: нож, вертел, горшок, ступа;
- одежда и обувь: шуба, пояс;
- музыкальные инструменты: домбра;
- транспортные средства: лодка;
- предметы обихода: курительная трубка, кошелек, монеты, книга (молитвенник).

Все они присутствуют в четырех группах таких сказок: о диких животных, о домашних животных, о диких и домашних животных, о животных и людях.

Во многих сказках действие происходит в жилище (кибитка) или возле него, в загоне для скота, сарае, у колодца.

Из предметов наиболее частотной является веревка:

- «Зан чон хойр» («Слон и волк»);
- «Көгшн ноха» («О старой собаке»);
- «Арат, буһ, керэ хурвн» («Лиса, марал и ворона»);
- «Барс, чон, арат, темэн дөрвн» («Барс, волк, лиса и верблюд»);
- «Ишк тек, бүрү бух, хурһн хурвн» («Козлик, бычок и баранчик»);
- «Эр күүкн хойр таката эмгн өвгн хойр» («Старуха и старик, у которых были петух и курица»).

Второй по частоте капкан:

- «Арат, буһ, керэ хурвн» («Лиса, марал и ворона»);
- «Арат чон хойр» («Лиса и волк»);
- «Арат болн туула» («Лиса и заяц»).

Далее дважды плеть: «Арвн чонин тууж» («История о десяти волках»); «Ах-дү долан» («Семеро братьев-волков»); домбра: «Ишк тек, бүрү бух, хурһн хурвн» («Козлик, бычок и баранчик»); «Ах-дү дөрвн» («Четыре брата»); сундук: «Ах-дү дөрвн» («Четыре брата»); «Эр күүкн хойр таката эмгн өвгн хойр» («Старуха и старик, у которых были петух и курица»); курительная трубка: «Арат, буһ, керэ хурвн» («Лиса, марал и ворона»); «Ишк тек, бүрү бух, хурһн хурвн» («Козлик, бычок и баранчик»).

Единожды топор, нож: «Ишк тек, бүрү бух, хурһн хурвн» («Козлик, бычок и баранчик»); кошелек, монеты: «Мис ноха хойр» («Кошка и собака»); меч и ступа: «Өвгн барс хойр» («Старик и барс»); лодка: «Көгшн ноха» («О старой собаке»); лопата: «Ах-дү хойр хулһн» («Братья-мышь»); шуба и книга-молитвенник: «Харцх шовун» («О птице ястреб»).

Все эти предметы происходят из мира людей; во-первых, могут использоваться животными и людьми в своих целях, во-вторых, могут быть направлены людьми против животных.

Таким образом, в калмыцких сказках о животных происходит соприкосновение мира людей и животных через материальные

объекты, которые выполняют конкретные функции, обычно участвуя в развитии действия или играя сюжетообразующую роль.

3.1. Веревка (*арһмж, буч, деесн, хошлң*)

Вербку калмыки-скотоводы изготовляли из верблюжьей и овечьей шерсти, из шкур крупного рогатого скота, из конских волос, в зависимости от толщины она имела различное назначение. Так, для кибитки требовалось несколько видов веревки: круглые, плоские, толстые, тонкие, в том числе широкие и неширокие тесемные пояса и короткие тонкие привязки. Толстые веревки служили для увязывания домашнего скарба по время перекочевки, закрепления сена на возу, для привязи животных. Кроме того, делали арканные веревки для ловли коней [Эрендженев 1985: 36–38].

В калмыцком языке веревка обозначается лексемами *арһмж* ‘веревка из шерсти’, *деесн, буч* ‘шнур, тесьма, лента’, *хошлң* ‘широкая тканевая тесьма для опоясывания кибитки’ [КРС 1977: 49, 195, 132, 602].

В этиологической калмыцкой сказке «Зан чон хойр» («Слон и волк»), объясняющей, почему слон не водится теперь в степи, веревка играет сюжетообразующую роль. Она появляется в завязке сюжета, когда слон и волк отправляются за овцами в хотон (поселение). Боясь обмануться, неопытный слон предлагает волку связать их шеи веревкой: *Чи намаг хайчкад, зулж одх. Батин төлөд кузүһад деесэр холвчкий, — гинэ.* ‘Ты, меня бросив, убежишь. Для надежности свяжем наши шеи веревкой, — сказал’¹ [Хальмг туульс 1961: 94]. Так и сделали. В сказке нет подробностей, как звери нашли веревку, имеется в виду, что подобрали по пути. Сама веревка также не описана: из чего сделана, короткая, длинная и т. д. Здесь важна ее функция, которая трансформируется в развитии сюжета, превращаясь из средства соединения в средство умерщвления. При лае хонтоных собак испуганный слон бросился бежать прочь, волоча за собой по земле волка. Он не слышит уже увещевания спутника: *Юунас ээж йовхмч? Бийснь манас ээчкэд, хуцжах нохасас ээһад бээдви? — гижэ чон келнэ.* ‘Чего ты испугался? Разве можно бояться собак, которые сами нас испугались и лают? — сказал волк’ [Хальмг туульс 1961: 95]. Увидев задохнув-

¹ Здесь и далее наш перевод. — Р. Х., А. Ч.

шегоса в петле хищника с вывалившимся языком, слон решил, что тот над ним смеется, пнул его, и волк сдох: *Эврэн эдһэд үкжэ йовхнь, кү наад бэрэд индһэд йовх, — гигэд, чониг девсэд оркна, тернь үкжэ одна* [Хальмг туульс 1961: 95]. С тех пор сильно напуганный слон не живет в нашей степи: *Туунэс хооран зан дегд ээсндэн мана тегет бээдгэн уурч* [Хальмг туульс 1961: 95]. Веревка стала ловушкой для волка, согласившегося по обоюдной глупости связать свою шею со слоном. В состязании — кто кого использует в своих целях — оба зверя потерпели неудачу.

В стихотворении Хасыра Сян-Белгина «Зан Чон хойр» (1937), написанном в жанре басни по мотивам данной сказки, эта вещь конкретизирована как широкая тесьма, которой опоясывают кибитку (*хошлң*): *Хошлң олж авад / Хойр күзүһэн келкнэ* ‘Найдя тесьму, связали обе шеи’ [Сян-Белгин 1977: 65]. См. подробнее об этом стихотворении: [Ханинова 2021а: 63–67; Ханинова 2021б].

В сказке «Көгшн ноха» («О старой собаке») веревка также играет сюжетообразующую роль. Чтобы не кормить свою старую, ненужную ему собаку, старик, решив ее утопить, поплыл с ней на лодке. *Нохан күзүнэс деес уяд, дееснэ үзүрт чолу уяд бээхлэ.* ‘Веревкой обвил собаке шею, а к концу веревки стал привязывать камень’ [Калмыцкие сказки 2020: 110]. Сбросив собаку, старик сам упал в реку. И тогда собака помогла ему: *Тиигэд-тиигэд йовтлнь, тер нохань деесинь хазчкад, одак эзэн хормаһаснь чирэд, уснас һарһад күрч иржэ.* ‘Оказалось, что собака перегрызла веревку и, вцепившись в подол, вытащила его из воды’ [Калмыцкие сказки 2020: 110]. Трансформация вещи проявилась в нарушении ее целостности как средства умерщвления, став способом освобождения.

В сказке «Арат, буһ, керэ хурвн» («Лиса, марал и ворона») ворона, чтобы спасти марала, попавшего в капкан, предложила ему притвориться мертвым: *Эн өвгн чамур гүүжэ ирх, чи үксн болад кевт: көндрл уга, кишһэн авл уга кевт.* ‘Хозяин-старик прибежит к тебе, а ты лежи, словно мертвый: не шевелись, не дыши, так лежи’ [Калмыцкие сказки 2020: 69]. Прилетев к хозяину, ворона села на дымник его кибитки и закричала: *Деес белд!* ‘Веревку готовь!’ [Калмыцкие сказки 2020: 69]. Захватив веревку, старик увидел мертвого марала в капкане и освободил, чтобы потом связать. Пока охотник курил трубку, марал вскочил и убежал. Позже вместо марала в кап-

кан угодила лиса, посоветовавшая ему поесть рожь, где она заметила капкан: лиса захотела поесть внутренности марала, и сама стала жертвой своего обмана. Функция веревки оказалась не использованной по назначению.

Как средство связывания для транспортировки топлива веревка использована барсом в сказке «Барс, чон, арат, темэн дөрвн» («Барс, волк, лиса и верблюд»), но не влияет на сюжет.

Процесс подготовки веревки из шерсти баранчика и хвоста бычка показан в сказке «Ишк тек, бүрү бух, хурһн хурвн» («Козлик, бычок и баранчик»), в которой животные, свив веревку, сделали из нее два недоуздка, подвесили у двери, чтобы поймать алчную старуху с копытами джейрана. Первый недоуздок попал ей на шею, второй опоясал, так она и погибла под ударами козленка, бычка и баранчика.

Кроме того, в этой же сказке есть известный уже по сказке «Зан чон хойр» («Слон и волк») мотив смерти волка от веревки-пояса. Когда сбежавший из дома козленок, бычок и баранчик испуганный мус встретил волка и пожаловался, тот предложил ему вернуться, чтобы самому их съесть. Но мус побоялся отвести волка, и хищник предложил надеть на себя пояс и пойти вместе. *He, oда мус белкүснэснь котлэж авад, цааран һарад йовна.* ‘Мус, схватив его за пояс, отправился в путь’ [Калмыцкие сказки 2020: 91]. Бычок, увидев подошедших муса с волком, сообщил козленку, который предложил обмануть их, крикнув, что наш ловкач ведет добычу. Мус, решив, что негодник хотел обмануть его, помчался прочь, волоча за собой по земле связанного с ним волка и ругаясь, что тот еще пасть раскрывает и глаза закатывает. Бросив сдохшего волка, мус убежал.

В той же сказке козленок случайно попал в логово семерых волков. Те обрадованные стали обсуждать, как лучше его съесть. *Зәрминь ода бүклднчн гүүлэх, зәрминь шургт өх, зәрминь буушт [болһад] идх болжана.* ‘Часть решили так съесть, часть на вертеле пожарить, а часть в горшке запечь’ [Калмыцкие сказки 2020: 93]. Так упоминаются предметы домашней утвари: вертел, горшок.

Там же с помощью песни под домбру козленок поет о том, что перед домом лежит шкура одного волка, в доме находятся шкуры семерых волков, это шкуры для шуб друзьям — козлику, бычку и баранчику.

В сказке «Харцх шовуна тууж» («История птицы ястреб») плохонькая ссохшаяся шуба стала индикатором социального статуса сына бедняка, а молитвенная книга — принадлежностью Бурхана Багши [Калмыцкие сказки 2020: 131–138].

Возвращаясь к веревке, отметим важность ее функции в сказке «Эр күүкн хойр таката эмгн өвгн хойр» («Старуха и старик, у которых были петух и курица»), с помощью которой снимаются верхнее и нижнее покрывало (кошма) кибитки, чтобы петух мог срыгнуть проглоченное. Поскольку речь идет о веревке, опоясывающей кибитку, в повествовании она обозначена как *буч*. В сказке несколько раз петух кричал: *Деевр, туурһиннь буч тээлж, шулун делтн! — гһэд хэжкэд бээнэ*. ‘Скорее снимите веревку и расстелите верхнее и нижнее покрывала! — стал кричать’ [Калмыцкие сказки 2020: 146]. Старик каждый раз откликался на этот призыв, потом был вознагражден за свои труды: наконец, петух срыгнул целый сундук золота и четыре вида скота на расстеленные покрывала кибитки. В этой сказке по ханскому суду разведенные старик со старухой поделили кибитку: верхнюю часть кибитки забрал старик, нижнюю часть кибитки — старуха.

3.2. Капкан (*хавх*)

Капкан как неотъемлемая часть охотничьего арсенала в калмыцких сказках обозначается лексемой *хавх* [КРС 1977: 563]. Он играет ключевую роль в развитии сюжета, где герои сталкиваются с препятствиями и испытаниями из-за капканов, установленных людьми.

В рассмотренной сказке «Арат, буһ, керэ һурвн» («Лиса, марал и ворона») капкан служит лисе орудием для поимки марала, но становится ловушкой для хитрой лисы: теперь она сама станет добычей охотника-человека.

В сказке «Арат чон хойр» («Лиса и волк») капкан — ключевой элемент сюжета, но в этот раз лисе удается перехитрить волка, которого она заманила в капкан с приманкой. Лиса говорит ему: *Энд эн меңгитн иди угав, мацтав, та идтн, — гив*. ‘Здесь эту приманку есть не буду, я соблюдаю пост, вы ешьте, — ответила’ [Калмыцкие сказки 2020: 73]. Волк по своей глупости и наивности застревает в капкане, а лиса съедает добычу, остроумно поясняя,

что у нее нет запрета на приманку, а есть запрет на сам капкан: *Уга, меңгэс мацта бишив, тана күзүндкэс мацтав, — гив.* ‘Нет, не от приманки я соблюдаю пост, а от того, что на вашей шее пост соблюдаю, — сказала’ [Калмыцкие сказки 2020: 74]. В данном сюжете хитрая лиса использует чужой капкан ради собственной выгоды, притворяясь уже верующей, соблюдающей пост «мацг».

В другой сказке «Арат болн туула» («Лиса и заяц») лиса обманым путем заманивает зайца в капкан, встреченный по дороге: *Энд юн бээхинь хэлэлчн.* ‘Посмотри, что здесь находится’ [Калмыцкие сказки 2020: 75]. Заяц послушался: *Туула хоңишаран шурһулж хэлэв. Хавх хаагдад, туула бэргдв.* ‘Заяц просунул свою мордочку и посмотрел. Капкан захлопнулся, и заяц поймался’ [Калмыцкие сказки 2020: 75]. Тогда обманщица сочувственно сказала своей жертве: *Туула, туула, чамаг үзчкэд, харм төрэд бээнэв. Аңһуч чамаг идчкх. Аңһучд өгчэхэр, чамаг би эврэн идчкнэв.* ‘Заяц, заяц, смотрю на тебя, и жалко становится. Тебя ведь охотник съест. Чем отдавать тебя охотнику, лучше я сама съем’ [Калмыцкие сказки 2020: 75]. Так и сделала.

Сюжетообразующая функция капкана в этих сказках в большей степени сводится к тому, что человеческим орудием для ловли животных пользуются хищники, иногда сами становясь такой добычей.

3.3. Плеть (маля)

Плеть-нагайка (маля) [КРС 1977: 340], изготовленная из сыромятной кожи, сплетенная из разного количества ремней, с металлическим шишаком, применяемая как холодное оружие в богатырских поединках, служила на охоте средством добычи: одного удара по переносице такой плетью достаточно было, чтобы убить волка.

В сказке «Арвн чонин тууж» (в переводе опубликована как «История о десяти волках» [Сандаловый ларец 2002: 209–211]) волки решили напасть на табун по наставлению волка-шамана. Отсылкой к определению места действия является имя коня, на которого необходимо напасть первым, чтобы не было последствий для волчьей стаи: его зовут *Алта Тээжсин күрң*, т. е. речь идет об Алтайских горах [Чумбаева, Бакаева 2023: 171]. Однако волки поймали другого коня на съедение. Табунщики отправились в погоню за волками, стали наносить им тяжелые удары плетьюми, уцелел с поврежденной ногой только волк-шаман: ...*Тер малян топч,*

торһн үзүр чонин барун ардж шаһань шаһаһар туссн деерэс чонин шаһань хажыр болдгнь тер. ‘С тех пор говорят, из-за того, что шелковый конец плетки табунщика ударил по волчьей лодыжке, она стала кривой’ [Хальмг туульс 1968: 6]. Этимологическая концовка сказки «Почему у волка кривая лодыжка» разъясняет наличие у всех волков кривой лодыжки, полученной от удара плетью и являющейся характерной чертой всех волков [Басангова 2018: 67]. Аналогичный сюжет есть в сказке «Семеро братьев-волков» [Медноволосяя девушка 1964: 253–255]. Плеть выполняет функцию оружия убийства и является вспомогательным элементом в ходе поимки стаи волков.

3.4. Топор (*сүк*) и нож (*утх, балг*)

Топор в калмыцком языке обозначается лексемой *сүк*, а нож — *утх* [КРС 1977: 464, 540]. Так, в сказке «Ишк тек, бүрү бух, хурһн һурвн» («Козлик, бычок и баранчик») топор и нож, участвуя в развитии сюжета, выполняют функцию нападения для защиты животных от демонических существ — мусов. Бычок, получив указания козленка, схватил топор и набросился на муса: *Бүрү бухнь сүкән авад дэврнэ.* ‘Бычок, взяв топор, набросился’ [Буутан Санж 2008: 16]. Вслед за бычком баранчик берет большой нож и нападает на муса: *Хуц хурһнь ик балган авад дэврнэ.* ‘Баранчик, взяв большой нож, набросился’ [Буутан Санж 2008: 16]. В сказке нож обозначен не обобщающей лексемой *утх*, а конкретизирован как широкий плоский нож под названием *балг* [КРС 1977: 79].

Мус, вначале услышавший о том, что до него здесь уже приготовили еду из другого гостя, испугался топора и ножа как предметов для разделки добычи и бросился бежать.

Топор и нож в этой сказке имеют двойную функцию как нападения, так и защиты.

3.5. Монеты (*мөңгн*) и кошелек (*туңгриг*)

Основной лексической единицей, обозначающей деньги, в калмыцком языке является лексема *мөңгн*, которая выражает общее понятие денежной ценности [КРС 1977: 358]. Для медных монет используется термин *улан мөңгн* (*улан* ‘красный’), указывающий красный цвет медных монет; для серебряных монет — термин

цаһан мөңгн (*цаһан* ‘белый’), указывающий белый цвет серебряных монет [Убушиева и др. 2022: 3; Монраев 2014: 272–274; Очир-Горяев 2001: 102–103].

В калмыцких сказках о животных используются эти номинации для обозначения медных и серебряных монет.

В сказке «Мис ноха хойр» («Кошка и собака») денежные средства играют важную роль. Медные и серебряные монеты появляются волшебным образом из кошелька старика. Обнаружив змею с отрезанным хвостом, он забрал ее домой. Однажды змея сказала старику, что в благодарность она дарует своему отрезанному хвосту волшебную способность: *Ода мини тасрха сүүлиг авад, хатаһад, тоңһрцгт* дүрэд, герин деед бийд өлчкэд бээжэ*. ‘А сейчас возьми отрезанную часть моего хвоста, высуши, положи в кошелек и повесь там, где почетное место в кибитке находится’ [Калмыцкие сказки 2020: 104].

Змея объяснила, что, когда старик встряхнет кошелек, из него выпадут медные деньги: *Моһа терүнд келжэ: Тоңһрцган сажхла, улан мөңгн унх* [Калмыцкие сказки 2020: 106]. В этом фольклорном тексте медные деньги обозначены как *улан мөңгн*. При этом ничего не говорится заранее о серебряных деньгах, которые выпали из кошелька, когда человек последовал совету змеи: *Тегэд өвгн нег һурвн хонг[тан] күләһэд, тоңһрцган сажсна. Сажқад оркхлань, оһн цаһан мөңгн деншиг унна*. ‘Старик выждал три дня и встряхнул свой кошелек. Когда он встряхнул, выпало много серебряных монет’ [Калмыцкие сказки 2020: 106]. Серебряные деньги в этом эпизоде указаны как *цаһан мөңгн деншиг* вместо *цаһан мөңгн*, в то время как лексема *деншиг* значит «копейка» [КРС 1977: 199]. В дальнейшем деньги не упоминаются, они подразумеваются, когда старик каждый раз встряхивает пустой кошелек, чтобы пойти на базар.

На примерах русской волшебной сказки современный исследователь указывает, что генетические корни таких предметов восходят к системе представлений, присущих инициальной магии, согласно которым человек лишь начинал действие, а вещь самостоятельно продолжала его [Добровольская 2009: 100]. Из объектов деньги и кошелек превращаются в субъекты действия, начинают действовать, но начать эти действия должен герой: старик каждый раз встряхивает кошелек, после чего появляются там деньги. Но

причиной такого волшебства стал отрезанный хвост волшебной змеи, которая сделала волшебным кошелек. Это включение функции волшебного помощника в сказку о животных.

Кошелек в калмыцком языке обозначен лексемой *түңэригэ* [КРС 1977: 523]. В этой сказке он играет центральную роль, способствуя развитию сюжета и его развязке. Потеря кошелька связана с его кражей: мужчина, которому старик предоставил ночлег, заметил действия хозяина с кошельком и похитил эту вещь. Хозяин просит своих домашних животных, собаку и кошку, найти и вернуть пропажу. Они отправились на поиски, но кошка оказалась расторопнее. С помощью маленькой мышки она смогла украсть кошелек у сонного вора. Не сообщив собаке о своей удаче, добралась до дома и отдала кошелек старику. Этиологическая концовка этой сказки объясняет, почему с тех пор кошка стала жить в доме, а собака — на улице.

Обратим внимание на то, что эти предметные реалии имеют ту же функцию, что и в реальном быту: служат средством платежа или хранения денег.

3.6. Курительная трубка (*һанз*)

Курительная трубка (*һанз*) [КРС 1977: 155] является важным элементом в калмыцкой культуре. Калмыцкое название вещи *һанз*, сходное с бурятским *ганза*, тувинским *данза*, хантов — *канса* и китайским *ганса* [Чыргалан 2019: 79; Беликова, Зинченко 2012: 101; Мятлева, Дашибалов 2011: 189], указывает на знакомство и распространение табака через Китай, т. е. в XVI – начале XVII в. Она имеет давнюю историю и играет значимую роль в жизни калмыков. «Курительная трубка (*һанз*) состояла из *һанзин толһа* ‘чаши для табака’ (букв. голова трубки) и *һанзин сурул* ‘мундштука’, *һанзин буркэсн* ‘крышки на чашу трубки’, *һанзин шигилүр* ‘шпильки для прочистки трубки’. И шпилька-чистилка, и крышка прикреплялись к трубке цепочкой (*шүлзэ*)» [Шараева 2019: 486].

В рассмотренной выше сказке «Арат, буһ, керэ һурвн» («Лиса, марал и ворона») курительная трубка, с одной стороны, является индикатором (использование в быту), с другой стороны — средством отдыха, отвлечения от дела. Мудрая ворона, зная привычки людей, пытаясь спасти марала, предлагает ему притвориться

мертвым: *Эзн өвгн чамур гүүжэ ирх, чи үксн болад кевт: көндрл уга, киһһән авл уга кевт. Тиигхлэчн, чамаг үкжэ оч гинһэд, хавхасчн сулдхчкад, бийнь теңгр хэлһэд, һанзан сорад суух.* ‘Хозяин-старик прибежит к тебе, а ты лежи, словно мертвый: не шевелись, не дыши, так лежи. Тогда он подумает, что ты умер, и освободит тебя от капкана, а сам присядет, закурит трубку, уставившись в небо’ [Калмыцкие сказки 2020: 69]. Ее предположение оказывается верным: освободив марала из капкана, старик сел, чтобы отдохнуть, закурил.

Курение представляло собой длительный процесс: вначале надо было набить чашу для табака, затем раскурить трубку. За это продолжительное время марал успел сбежать, на что и рассчитывала ворона, давая свой совет.

В сказке «Ишк тек, бүрү бух, хурһн һурвн» («Козлик, бычок и баранчик») соблюдается мотив гостеприимства, когда мусу-гостю после приветствия предлагают закурить: *Мендэн сурад, мендин дару тэмк һанзан татлдсн [суутл] бүрү бух келжэнэ.* ‘Поздоровались, после закурили, и тут бычок спросил’ [Калмыцкие сказки 2020: 89]. И лишь после того, как прозвучало заранее подготовленное пожелание сварить для муса грудинку прежнего муса, а звонок следующего, началось сражение с помощью топора и ножа.

3.7. Меч (үлд) и ступа (үүлдг сав)

Меч *үлд* [КРС 1977: 549] и ступа *үүлдг сав* в сказке «Өвгн барс хойр» («Старик и барс») выполняют разные функции в конфликте старика и барса. Когда барс, решив уничтожить приглашенного в гости старика, стал точить свой меч (*Тиигхлэнь барс үлдэн бүлүдэд бээв*), а потом вышел из дому. Человек взял ступу, что была в доме у барса, нацепил ее себе на голову и лег спать: *Өвгн тер хоорнд барсин герт бээсн юм үүлдг сав авад, толһадан углад кевте* [Калмыцкие сказки 2020: 129]. Поэтому барсу не удалось убить человека: меч после двух ударов по ступе переломился. Дождавшись, когда барс заснул, гость снял ступу и положил на место. Наутро старик, почесав затылок, пожаловался хозяину, что плохо спал: как будто треск над его головой раздавался. Барс признался, что вчера не удалось ему съесть старика: уж очень тот сильным оказался. Человеку удалось спастись благодаря уже

своей смекалке, пользуясь домашней утварью — железной ступой — не по назначению.

3.8. Лопата (*курз*) и мост (*тагт*)

Лопата в сказке «Ах-дү хойр хулһн» («Братья-мыши») способствовала обнаружению младшим братом-мышью кусочка масла в снегу, когда он принялся за уборку возле норки: *Цас күрзджәһәд, нег шаһан кир тос олж авад, тер тосан авад, гертән орж ирнә* [Калмыцкие сказки 2020: 114]. Кусочек масла величиной с альчик (надпяточная кость овцы) стал причиной раздора между братьями (старший брат, не дождавшись, сам съел пищу), закончившимся волчьим судом, после которого погиб старший брат: волк его проглотил. Младшему удалось спастись, но он поклялся серому волку отомстить за смерть старшего брата. Для этого стал строить мост, чтобы достать обидчика, которого журавль поднял по его просьбе на небо. Испуганный волк бросился вниз и разбился, а младший брат исполнил свою клятву. Действия младшего брата (уборка снега и нахождение кусочка масла, постройка моста) выявляют сюжетообразующую функцию лопаты в сказке. При этом лопата *курз* [КРС 1977: 327] в сказке не описана, из какого материала сделана: из дерева или железа. Она выполняет свою обычную бытовую функцию. Мост, который принялся строить младший брат, из земной коры: *Һазрин көрсәр теңгерт күрм тагт тәвжәнә* [Калмыцкие сказки 2020: 120]. В контексте повествования подразумевается, что мост должен быть высоким, чтобы достать до неба.

Мост часто встречается в сказках народов мира, обычно определяя функцию выполнения героем трудного задания. Здесь же младший брат сам предпринимает действие, невзирая на трудоемкость поставленной себе задачи, без посторонней помощи.

4. Заключение

Среди калмыцких сказок сказки о животных не столь многочисленны, как богатырские или волшебные. Жанровые границы между волшебными, социально-бытовыми и сказками о животных бывают подвижными, например, как это происходит в сказке «Мис ноха хойр» («Кошка и собака»). В рассмотренных сказках о животных действуют разные группы персонажей: дикие животные (слон,

волк, барс, лиса, заяц, марал, змея, мышь), домашние (баран, козел, бычок, кони, кошка, собака) и дикие животные, дикие животные и люди, домашние животные и люди, включая птиц (журавль, ворона, петух, куры). Но не участвуют насекомые, земноводные, растения. В сказке пол животных, как правило, не указан, подразумевается в контексте, поскольку категория рода отсутствует в калмыцком языке, определяется с помощью дополнения. Среди людей присутствуют как женщины, так и мужчины с уточнением возраста, без упоминания детей. Эти сказки обычно небольшого объема, с несложным сюжетом и простой композицией, диалоговой структурой. Сюжетные коллизии сказок (обман, похищение, охота, спасение, обогащение, помощь и помощники, дарители) связаны с участием и использованием предметных реалий.

Некоторые сказки заканчиваются дидактической сентенцией (например, так добро победило зло) или этиологическим пояснением (например, почему перестали в степи водиться слоны или почему у волка кривая лодыжка).

Поэтика заглавия определяется действующими лицами — животными и людьми, их числом, дружескими или родственными отношениями.

В репрезентативных калмыцких сказках о животных обнаружены предметные реалии, относящиеся к разным сферам материальной культуры: 1) типы жилища и его убранство: кибитка, полотно кибитки (кошма), опоясывающая веревка, дымник, дверь, порог, сундук; шалаш; 2) нежилые постройки: загон для скота, сарай, колодец, мост; 3) орудия труда и материалы: топор, лопата, веревка; 4) оружие, снаряжение и орудия охоты: меч, плеть, капкан, недоуздок; 5) домашняя утварь: нож, вертел, горшок, ступа; 6) одежда и обувь: шуба, пояс; 7) музыкальные инструменты: домбра; 8) транспортные средства: лодка; 9) предметы обихода: курительная трубка, кошелек, монеты, книга (молитвенник). Во-первых, в этих сказках все предметные реалии используют сами люди и животные. Например, веревка, капкан, лопата, домбра, курительная трубка, топор, нож, горшок, вертел, меч, сундук, недоуздок, шуба. Во-вторых, вещи, которые используют здесь только люди: плеть, кошелек, деньги, молитвенник, лодка. В-третьих, единственным волшебным элементом наделен кошелек, способный воспроизводить

деньги: змея как волшебный даритель. В ряде сказок животные сами создают те или иные предметные реалии: например, веревку или мост. Само описание вещей в сказках о животных не отличается подробностями. В одних случаях подчеркивается величина (большой нож, маленький кусок масла), в других — номинация монет (медные, серебряные), в третьих — состояние вещи (плохонькая ссохшаяся шуба), в четвертых — название молитвенника, в пятых — материал предметной реалии (мост из земной коры). В то же время виды веревки в сказках различаются использованием лексем (*арһмж, буч, деесн, хошлң*).

Функция основных вещей в этих сказках сюжетобразующая. Ряд других вещей создает предметный фон событий (вертел, горшок, шуба).

Следовательно, поэтика вещи в калмыцких сказках о животных характеризуется многообразием предметного мира, передающим особенности кочевого быта народа, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры, взаимоотношения человека и природы, мировоззрения и верований номадов.

Источники

- Буутан Санжин туульс 2008 — Буутан Санжин туульс (= Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов: в 2 кн. / сост. Б. Х. Борлыкова. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 307 с. Серия: «Өвкрин зөөр» («Сокровища предков»).
- Герлтсн сувсн 2014 — Герлтсн сувсн (Б. М. Санджиеван бичүлж авсн амн урн үгин көрңгэс) (= Сияющая жемчужина) (Фольклорные материалы, собранные Б. М. Санджиевой). Собиратель Санджиева Б. М. Записи 1972–1974 гг. / вступ. ст., сост., предисл., подг. текстов и прилож. И. М. Болдыревой. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 230 с. Серия: «Өвкрин зөөр» («Сокровища предков»). На калм. яз.
- Калмыцкие сказки 2018 — Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: тексты и исследования. В 3 ч. Ч. П: Переложение и перевод / сост. А. Т. Баянова, Б. Б. Горяева, А. О. Долеева, В. В. Куканова; пер. на русский язык Т. А. Михалевой, Б. Б. Горяевой, А. Т. Баяновой, А. О. Долеевой, В. В. Кукановой. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 621 с.
- Медноволосая девушка 1964 — Медноволосая девушка. Калмыцкие народные сказки / пер., сост., примеч. М. Вагагина. М.: Наука, 1964. 272 с.
- Мифы, легенды и предания калмыков 2017 — Мифы, легенды и предания

- калмыков / подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Борджановой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурькин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 367 с.
- Калмыцкие сказки — Калмыцкие сказки о животных, бытовые, кумулятивные сказки и небылицы // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. 2020. 736 с.
- Народное творчество Калмыкии 1940 — Народное творчество Калмыкии / сост. И. Кравченко. Сталинград; Элиста: Обл. книгоиздательство, 1940. 316 с.
- Сандаловый ларец 2002 — Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки / сост. и пер. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с.
- Семь звезд 2004 — Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Сян-Белгин 1977 — Сян-Белгин Х. Б. Тенгрин уйдл: шүлгүд (= Млечный путь: стихотворения). Элст: Хальмг дегтр харнач, 1977. 125 х.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс (= Калмыцкие сказки). 1-гч боть (= 1 том) / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1961. 220 х.
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс (= Калмыцкие сказки). 2-гч боть (= 2 том) / запись и сост. Бембеевой А. Ц. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1968. 267 х.
- Хальмг туульс 1972 — Хальмг туульс (= Калмыцкие сказки). 3-гч боть (= 3 том) / сост. Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1972. 252 х.
- Хальмг туульс 1974 — Хальмг туульс (= Калмыцкие сказки). 4-гч боть / барт белдснь Окна Б. Б., Мучкинэ Е. Д. Элст: Танһчин тип., 1974. 274 х.
- Хальмг туульс 1979 — Хальмг туульс (= Калмыцкие сказки). Элст: Хальмг дегтр харнач, 1979. 158 х.
- Хальмг фольклор 1941 — Хальмг фольклор (= Калмыцкий фольклор) / барт белдснь Лежнэ Церн, Шалвра Һэрэ (сост. Ц. Леджинов, Г. Шалбуров). Элст: Калмгосиздат, 1941. 466 х.

Литература

- Басангова 2017а — *Басангова Т. Г.* Калмыцкие сказки о животных. Тексты, переводы // *Mongolica*. 2017. Вып. XIX. С. 85–87.

- Басангова 20176 — *Басангова Т. Г.* Калмыцкие сказки о животных (из истории публикаций и переводов) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 49–54.
- Басангова 2018 — *Басангова Т. Г.* Сказки о животных в калмыцком фольклоре (к вопросу о древних истоках) // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 38(2). С. 64–70.
- Басангова 2019 — *Басангова (Борджанова) Т. Г.* Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: КалмГУ, 2019. 192 с.
- Басангова, Манджиева 2011 — *Басангова Т. Г., Манджиева Б. Б.* Калмыцкая кумулятивная сказка: проблемы классификации и сохранности текстов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. 2011. № 1. С. 177–181.
- Беликова, Зинченко 2012 — *Беликова О. Б., Зинченко А. С.* Курительные аксессуары XVII–XIX вв. таежного Причулымья (юг Западной Сибири): трубки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 93–105.
- Ванькаева 2021 — *Ванькаева Е. В.* Лингвокультурные образы диких животных (Медведь, Лиса, Волк) в калмыцких сказочных текстах: к постановке проблемы // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2021. № 07 (75). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/lingvokulturnye-obrazy-dikikh-zhivotnykh-medved-lisa-volk-v-kalmytskikh-skazochnykh-tekstakh-k-postanovke-problemy.html> (дата обращения: 5.04.2024).
- Джимбиева 2011 — *Джимбиева Н. В.* Волк как положительный персонаж в калмыцких народных сказках о животных // Вестник магистратуры. 2011. № 3. С. 10–14.
- Джимбиева 2012 — *Джимбиева Н. В.* Калмыцкие народные сказки о животных: дидактический аспект // Проблемы функционирования и развития языков в полилингвальном пространстве: Мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (7–9 октября 2011 г., Элиста). Элиста: Калм. ун-т, 2012. С. 159–161.
- Джимгиров 1963 — *Джимгиров М. Э.* Народные калмыцкие сказки: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.; Элиста, 1963. 24 с.
- Джимгиров 1970 — *Джимгиров М. Э.* О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 103 с.
- Добровольская 1995 — *Добровольская В. Е.* Предметные реалии русской волшебной сказки: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995. 14 с.
- Добровольская 2009 — *Добровольская В. Е.* Предметные реалии русской

- волшебной сказки. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. 224 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Куканова, Чумбаева 2023 — *Куканова В. В., Чумбаева А. С.* Образ лисы в калмыцких сказках о животных // Новый филологический вестник. 2023. № 3(66). С. 310–325. DOI: 10.54770/20729316-2023-3-310
- Манджиева 2011 — *Манджиева Б. Б.* Кумулятивная сказка у калмыков (синоптический анализ разновременных текстов) // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1 (65). Ч. 2. С. 100–106.
- Монраев 2014 — *Монраев М. У.* О названии денежных единиц в калмыцком языке // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 75-летию со дня рождения и 55-летию научно-педагогической деятельности профессора В. И. Рассадина. Элиста: Калм. ун-т, 2014. С. 272–274.
- Мятлева, Дашибалов 2011 — *Мятлева Е. Ю., Дашибалов Б. Б.* Китайские влияния в культуре бурят XVII–XIX вв. (на примере курительных трубок) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 8. С. 186–191.
- Нестерова 2017 — *Нестерова Е. А.* Вещь: место в структуре мира произведения (на материале фэнтези) // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 51–62.
- Очир-Горяев 2001 — *Очир-Горяев В. Э.* Мөнгн эврэ тоота болдг // Теегин герл (= Свет в степи). 2001. № 6. С. 102–103.
- Пропп 2001 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. Науч. ред., текстологическ. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
- Сарангов 1998 — *Сарангов В. Т.* Калмыцкое народное поэтическое творчество. Сказки: учебное пособие. Элиста: Калм. ун-т, 1998. 70 с.
- Сарангов 2010 — *Сарангов В. Т.* Фольклор калмыцкого народа: учеб. пособие. Элиста: КГУ, 2010. 136 с.
- Убушиева и др. 2022 — *Убушиева Б. Э., Пюрбеев Г. Ц., Харчевникова Р. П.* Лексико-семантические особенности денежной номинации в калмыцком языке (на материале фольклорных произведений) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 4. С. 1–7.
- Ханинова 2021a — *Ханинова Р. М.* Калмыцкая поэзия XX века: поэтика лирических и лироэпических жанров малой формы. Монография. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 504 с.

- Ханинова 2021б — *Ханинова Р. М.* Поэтика басен Х. Сян-Белгина «Зан Чон хойр» и Б. Дорджиева «Занын тускар батхнын санл» // Проблемы поэтики и стиховедения: Мат-лы IX Междунар. научн-теоретич. конф., посвящ. 30-летию Независимости Республики Казахстан и 90-летию выдающегося казахского поэта Мукагали Макагаева (20–21 мая 2021 г.). Алматы: Ұлағат, КазНПУ им. Абая, 2021. С. 63–67.
- Чумбаева, Бакаева 2023 — *Чумбаева А. С., Бакаева Э. П.* Об образе волка в калмыцких сказках // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 4. С. 152–172. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-4-28-152-172
- Чыргалан 2019 — *Чыргалан С. Ю.* Китайское влияние в культуре тувинцев: традиции табакокурения и табакерки // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 78–82.
- Шараева 2019 — *Шараева Т. И.* «Моя бабушка курит трубку...» // Монголоведение (Монгол судлал). 2019. № 18. С. 479–507.
- Эрендженев 1985 — *Эрендженев К. Э.* Золотой родник: о калмыцком народном творчестве, ремеслах и быте. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 125 с.